

РУССКИЙ БУНТ В ИЗОБРАЖЕНИИ М. ШОЛОХОВА И В. ШУКШИНА

Н. В. Углова

Государственное автономное учреждение дополнительного профессионального образования Липецкой области «Институт развития образования»

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в статье рассматривается трагедия русского бунта, художественно осмысленная в эпопее М. А. Шолохова «Тихий Дон» и киноромане В. М. Шукшина «Я пришёл дать вам волю». Идеино-художественное своеобразие произведений о русском бунте позволяет говорить о развитии казачьей традиции, заложенной М. А. Шолоховым. Главенствующую роль в постижении проблематики «мятежных повествований» играют ключевые образы донских непокорных казаков, мятущихся правдоискателей, чутких к чужой боли и к несправедливости – шолоховского Григория Мелехова и шукшинского Степана Разина. Доминирующим для этих образов становится мотив поиска, больной совести.

Ключевые слова: русский бунт, казачья традиция, конфликт мировоззрений, государственное единовластие, Казачий круг, проблема личности, мотив поиска правды.

Abstract: the article regards the tragedy of Russian revolt which is artistically interpreted in M.A. Sholokhov's epic novel "And Quiet Flows the Don" and in V.M. Shukshin's movie novel "I have Come to Give You Freedom". The ideological and artistic identity of literary works about Russian revolt lets us speak about the evolution of Cossack tradition, established by M.A. Sholokhov. The key images of the Don rebellious Cossacks play the major role in the comprehension of "the rebel narration". The Cossacks (Sholokhov's Gregory Melekhov and Shukshin's Stepan Rasin) rush in search of the truth, they are sensitive towards other people's pain and injustice. The characters' dominant motive is the searching and the aching conscience.

Keywords: Russian revolt, Cossack tradition, conflict of the world outlook, state autocracy, Cossack circle, problem of the personality, motive of the search of truth.

Период гражданского противостояния в начале XX века нашёл отражение на страницах многих художественных, философских и публицистических произведений. Авторы их, нередко стоявшие по разные стороны баррикад, подчёркивали масштабы и последствия разразившейся трагедии – «русского бунта». Потребовалось почти столетие, чтобы попытаться объективно освещать братоубийственную катастрофу 1918–1922 годов, жертвами которой стали «16 миллионов россиян» [1, 3].

Эпическая масштабность катастрофы начала XX века, безусловно, представлена на страницах донского эпоса. Именно в судьбе казачества Дона преломилась трагедия междоусобной брани, о которой поведал миру М. А. Шолохов, и эта казачья традиция, заложенная писателем, плодотворно развивается. К осмыслению темы донского казачества, русского бунта как коренного разлада, раскола национальных основ русской жизни обращались также и Ф. Д. Крюков в «Шульгинской расправе», и П.Н. Краснов в «Картинах былого тихого Дона». В 1960 – начале 1970-х годов к донской теме обратился и В. М. Шукшин в киноромане «Я пришёл дать вам волю».

Безусловно, проблема традиции в русской литературе является основополагающей. Она подраз-

умекает определённую систему взаимоотношений, взаимопроникновения религиозно-философских, духовно-этических, национально-исторических идей, совокупность которых позволяет говорить о наличии генетических связей между явлениями русской литературы. А. Ф. Лосев стремился показать, что только традиция позволяет непрерывно развиваться культуре как единому организму. Присутствие традиции, преемственности даёт литературе внутренний стержень – каждое произведение классики служит связующим звеном в бесконечной череде создающихся творений слова. Эта преемственность, последовательность в развитии литературы является гарантией понимания нами собственного прошлого.

Вне традиции невозможно развитие культуры вообще и литературы в частности. Наличие творческой связи между авторами донского эпоса и киноромана позволяет говорить о развитии шолоховской традиции в творчестве Шукшина. М. О. Чудакова подчёркивала: «В творчестве Шукшина очевидна литературная традиция, и важной задачей для критики является увидеть её и осмыслить...» [2, 238]. В. К. Сигов, рассматривая значение образа Разина для понимания русского характера, отмечает, что «в анализе духовных изменений героя для Шукшина важен опыт Шолохова» [3, 161]. В. А. Апухтина называет «чем-то родственными» образы Григория Мелехова и Степана

Разина. Н. И. Стопченко констатировал: «Основные координаты художественных миров М. А. Шолохова и В. М. Шукшина: правда, добро, красота – постоянны. Они пропустили через своё сознание болевые проблемы истории и современности, судьбы людей с мятущимися, ищущими Истину душами» [4, 125].

Сам В. Шукшин писал о таком мечущемся человеке – главном герое «Калины красной»: «Душа его не на месте. Он тоскует и мечется, шарахается из одной крайности в другую, потому что сознаёт где-то, что живёт неладно, что жизнь его не задалась... Особенность такого характера – ходить по краю!..» [5, 340]. Это отсутствие внутреннего покоя было присуще и шолоховскому Григорию Мелехову, и шукшинскому Степану Разину, пытавшимся разрешить судьбоносные противоречия, в их жизни переплелось героическое и трагическое.

Жизнь души Григория Мелехова разворачивается на страницах эпопеи Шолохова, душевные боления Разина пронизывают весь кинороман Шукшина с первых и до заключительных его слов так же, как образ этого человека неотступно жил в душе автора. «Меня давно привлекал образ русского национального героя Степана Разина, овеянный народными легендами и преданиями. Последнее время я отдал немало сил и труда знакомству с архивными документами, посвященными <...> страницам сложной и во многом противоречивой жизни Степана... По сохранившимся документам и отзывам свидетелей представляю его умным и одарённым... Вместе с тем **поражают противоречия в его характере...**» [6, 4].

Роман «Я пришел дать вам волю» не просто повествование о судьбе исторического деятеля XVII века, это судьба человека, который попытался воплотить в жизнь утопическую «правду» социальной справедливости на земле, это трагическая судьба русского героя-максималиста. Это роман «о личности в истории, а не исторический роман» [7, 32]. В. М. Шукшин так определял свою задачу: «Меня больше интересует «история души», и ради её выявления я сознательно и много опускаю из внешней жизни того человека, чья душа меня волнует» [6, 135]. Это шукшинское высказывание перекликается с мыслью Л. Толстого, утверждающего, что «главная цель искусства... та, чтобы проявить, высказать правду о душе человека». Эта же мысль есть и у М. Шолохова о Григории Мелехове: «...В нём ещё жива душа! В этом его сила!.. Вот это и есть самая моя большая находка!» [8, 189].

Именно сила художественной правды для Шукшина была определяющей: «... литература есть ПРАВДА. Откровение» [6, 227]. И М. А. Шолохов завещал «проверять литературу жизнью». Этот нравственный императив, с такой строгостью применяемый к себе, особенно ценил Шукшин в Шолохове: «Проза Шолохова... очень жизненная, правдивая. Её легко играть, произносить, читать. К тому же проза Шолохова – это проза Шолохова: её всегда легко работать.

Может быть, не так сказано... Есть радость от общения с правдой. У Шолохова всё по-народному точно. Вот, положим, солдат Лопехин. Я думаю, это очень народный характер... Уж не знаю, как получится на экране... Но я стараюсь правдиво сделать роль. Стараюсь даже некоторое озорство шолоховское показать в выявлении характеров. Герои Шолохова – дорогие ему и трогательные люди. Отношение к ним автора самое любовное» [6, 167].

«Очарование человека» в образе Григория Мелехова и любовное отношение Шукшина к образу донского казака Степана Разина характерно для этих романов. Образ шукшинского Степана и шолоховского Мелехова-младшего – это образы мятежных и мятущихся правдоискателей, образы донских непокорных казаков, вожачков по природе, максималистов, чутких к чужой боли, к несправедливости. Доминирующим для этих образов становится мотив поиска, больной совести; неоднократно повторяются такие характеристики образа, как «бешеный», «одержимый», причём значимость приобретает не метафоризация этих слов, а прямое, непосредственное состояние персонажа.

О вызревании мятежа размышляют не только Шолохов и Шукшин, но и Ф. Д. Крюков в «Шульгинской расправе», П. Н. Краснов в «Картинах былого тихого Дона». Крюков также художественно осмысливает извечные вопросы: «Где же светлые дни? Где правда и справедливость, где праведные судьи и закон? Где нет этого стихийного гнёта, этих надругательств и насилия?» [9].

Мятежный атаман Булавин сопоставляется П. Н. Красновым с легендарным Разиным. Вывод неумолим – правда и справедливость не союзники насилия, ибо главный критерий чётко определён – польза Отечеству: «Булавин думал приобрести славу войску Донскому, но дал ему только бесславие и позор. Он был хуже Разина. Разин был разбойник, был гулебщик, охотник, был старый вольный казак. Идя против царских войск, он шел не против царя, а против бояр. Да и шёл против них он под влиянием вина. Трезвый он нашёл бы другое место для набегов.

Булавин восстал против царя! Этого на Дону никогда не бывало. Из-за мелкой, личной обиды он поверг войско Донское в великий позор. 17 тысяч казнённых помощников его лягут на его совесть. И умер он подлой смертью – смертью самоубийцы.

Булавин хотел дать войску славу, а дал ему бесславие! Он лишил донцов возможности участвовать в величайших и славнейших победах России. Казаки не были в Полтавской битве 27 июня 1709 года. Они опоздали к ней, и виною тому – Булавин.

А ведь Булавин желал пользы войску... Но он не понял, что сыну нельзя восставать на мать, а Тихий Дон, искони русский, не мог и не должен был идти против России. Слава донская так тесно связана со славой русской, что донцы всеми силами должны от-

стаивать славу, величие и неприкосновенность России и её Государя. И, как мы увидим дальше, донцы поняли это. Бок о бок, стремя к стремени сражаясь с русскими полками, они в вековую славу русских знамен вплели имена своих донских генералов, полковников, офицеров и казаков» [10].

Во всех исторических ситуациях, художественно осмысленных Крюковым, Красновым, Шолоховым, Шукшиным, сталкиваются интересы становящейся государственности и непокорность вольнолюбивого казачества мятежного отряда Ивана Разина, своеговольного Кондратия Булавина, взбунтовавшихся повстанцев в «Тихом Доне». Происходит конфликт двух мировоззрений: государственного единовластия и власти казачьего круга. Это противостояние внутри одной страны, среди единоверцев усугубляет трагизм междоусобицы единоверцев. У Ф. Д. Крюкова в «Шульгинской расправе» пение, трогательное душу, предваряет трагический исход: «Ой, да чем наша славная земелюшка распахана», – облокотившись на стол и глядя вниз, запел Булавин своим густым сильным басом и махнул рукой Гуляку. Тот подхватил, и те самые плавные и тоскливые звуки, которые слышались с улицы, полились теперь и заполнили собой всю избу. Задремавший Григорий Машлыккин вдруг встрепенулся, вышел из своего угла к столу и стал помахивать плавно руками, умильно и счастливо глядя на певцов. Долгорукий опустил голову и, задумавшись, слушал внимательно эту незнакомую ему горькую песню, и какое-то безотчётно-грустное настроение овладело им.

Песня говорила:

Не сохами-то славная земелюшка наша распахана не плугами

Распахана наша земелюшка лошадиными копытами

А засеяна славная земелюшка казацкими головами.

Чем-то наш батюшка славный тихий Дон украшен?

Украшен-то наш тихий Дон молодыми вдовами.

Чем-то наш батюшка тихий Дон цветен?

Цветен наш батюшка славный тихий Дон цветен?

Чем-то в славном тихом Дону волна наполнена?

Наполнена волна в тихом Дону отцовскими-материными слезами».

– А песня, брат, знатная! – сказал князь, когда Булавин и Гуляк кончили петь: – только ты извини меня, брат, Кондратий... как тебя там по батюшка-то?

– Афанасьев сын...

– Ну, Афанасьевич – извини, брат, а рожа у тебя самая разбойницкая» [9].

Эта строчка старинной песни («Помутился ты, Дон, сверху донизу»), притянувшая к себе внимание писателей, обретает обширные смысловые и событийные связки, не ограничивающиеся общностью темы – русской смуты, междоусобицы, выплескива-

ющейся в народных волнениях, мятежах, гражданских войнах. Образ смуты возникает до развития сюжетной динамики, постепенно утрачивая метафорическое наполнение и всё более обретая зримые, осязаемые черты реальной исторической трагедии. Перекипающая стремнина тихого Дона разрастается до духовной коловерти и катастроф. В противоречиях природы Кондратия Булавина, Степана Разина и Григория Мелехова преломились разломы внешнего мира. Русская государственность и бунт – эта проблематика получит развитие на страницах повествований Крюкова и Краснова, Шолохова и Шукшина, имеющих, как и в реальной жизни, непредусмотренный ход действия и исход. Логика жизни руководит движением сюжета.

Соотнесённость проблематики произведений, созданных в разные историко-литературные эпохи, открывает новые перспективы изучения их творчества в едином культурном контексте русской литературы, немыслимом вне действия традиций. Крюков и Краснов, Шолохов и Шукшин искали в русской истории духовный смысл. М. А. Шолохов подходил к решению темы, опираясь на горячий исторический материал, Ф. Д. Крюков, П. Н. Краснов, В. М. Шукшин исследовали современность через призму хронологически удалённых событий. Рассматривая проблему личности, писатели тем самым глубоко проникают в проблему мира, ибо «человеческая личность... есть поприще всех противоречий... своей сутью глубоко сокрыта в сущности мира» [11, 37]. Эта проблема человека поставлена писателями с такой трагической серьёзностью, что «по некоей внутренней необходимости перерастает в проблему Бога и в мировую проблему мира» [11, 37].

Григорий Мелехов и шукшинский Степан Разин попытались на свой лад, в силу своего разума решить извечные «проклятые» проблемы и устроить справедливый порядок жизни. «Возможность поставить вечные проблемы и невозможность их разрешить была бы для человека мукой, равной которой нет ни в одном из миров» [11, 38]. Вопросы нравственности в романах «Тихий Дон» и «Я пришел дать вам волю» оказываются теснейшим образом связанными с признанием существования высшей духовности. В противном случае – духовное заблуждение неотвратимо влечёт в тупик, единственным выходом из которого является отказ от ошибочных представлений.

Общность духовного пространства русской литературной классики формирует внутренние связи между художественными произведениями: определяется магистральная философско-нравственная проблематика, аксиологические ориентиры действующих персонажей, намечается целевая установка эстетического воздействия творений слова. Вспомним узловое вопрошание Шукшина: «Что с нами происходит?» или мелеховское, интуитивное

покаянное обращение: «Неправильный у жизни ход, и, может и я в этом виноватый... Все у меня... **помутилось** в голове» [12, 239].

Этот внутренний разлом усиливается в шолоховском повествовании философско-поэтическим императивом: «В годину **смуты** и разврата / Не осудите, братья, брата» [12, 637], как гулкое эхо отзываясь на эпиграфы к роману «Тихий Дон», создающие уже в начале произведения поле напряжения: «Ой, что же ты, тихий Дон, **мутнехонек** течешь?»; «А теперь ты, Дон, все **мутен** течешь, / **Помутился** весь сверху донизу» [12, 3], которые организуют и дальнейшее внутреннее сюжетное пространство.

Сила творческих сопряжений спустя годы отзовется в киносценарии, развернувшемся впоследствии в роман «Я пришел дать вам волю» В. М. Шукшина, где вновь возникает образ не только казачьей смуты на Дону, но и разразившейся общерусской смуты. Это камертоном отразится в поиске названий первой из 2-х частей сценария к фильму «Степан Разин»: «**Помутился** ты, Дон, сверху донизу» [13, 144]. Возникшие духовно-нравственные параллели в тексте ряда произведений русской литературы могут многое прояснить в исторической судьбе России. Роман Шукшина (в романе изменилось название 1-й части: «Вольные казаки») открывается финальными сценами обуздания смуты. Эпическое начало с первых страниц повествований Шолохова и Шукшина, финальный эпизод пения в произведении Крюкова определяют атмосферу донских повествований, истинный масштаб авторских замыслов. П. Н. Краснов весьма точно определяет особенность донского казачества: «Боевыми рыцарями они были, боевыми рыцарями они и остались» [10]. Именно такой вектор художественной мысли приобретает решающее значение в период гражданской войны начала XX века.

Острота проблемы междоусобного раздора особа значима для шолоховского повествования: Корниловский мятеж, Верхнедонское восстание, «деятельность» банды Фомина. Авторское отношение к внутренним разногласиям с максимальной определенностью выражается в словах старика Чумакова – жителя хутора Татарского: «С черкесами воевали, с турками воевали, и то замирение вышло, а вы **свои люди** и **никак промежду собой не столкуетесь**... Нехорошо, Григорий Пантелеевич, право слово, нехорошо! Бог-милостивец, он всё видит, он вам всем это не простит, попомни моё слово! Ну, мыслимое ли это дело: **русские православные люди сцепились между собой, и удерживают**» [12, 681]. Его слова непосредственно смыкаются с заключениями деда Гришаки, которые аналогичны высказываниям патриарха Тихона времени гражданской войны: «Не наше дело судить о земной власти: всякая власть от Бога допущенная...» (Из «Послания Совету Народных комиссаров» от 13/26 октября 1918 г.) [14, 113].

«Позиция патриарха Тихона, – говорил патриарх Алексей Второй, который не стал призывать к вооружённому сопротивлению, является глубоко укоренённой в православной традиции» (Из ответов патриарха Алексея Второго на вопросы «Литературной газеты» от 28 ноября 1990 года).

Восстание и верхнедонцев, и разинцев, и булавинцев характеризуется не только военно-политической борьбой, но и напряженным **духовным** неповиновением, возмущением. Шукшину, так же как Шолохову и Краснову, важно показать разрушительные последствия междоусобицы. В. М. Шукшин, размышляя об историческом пути России, отмечал: «Надо совершенно спокойно – без чванства и высокомерия сказать: у России свой путь. Путь тяжкий, трагический, но не безысходный в конце концов. Гордиться нам пока нечем» [6, 236].

Этой сердечной болью Шукшин поделился в беседе с Шолоховым в станице Вешенской: «Мы с вами распустили нацию. Теперь предстоит тяжелый труд – собрать её заново. Собрать нацию гораздо сложнее, чем распустить» [6, 236]. И для Шолохова и Шукшина, и для Крюкова и Краснова вопросы национального самосознания, духовно-нравственного идеала образуют главный нерв художественно-философской проблематики их произведений, которая стала внутренней реальной скрепой, позволяющей говорить о наличии непрерывной духовной традиции от «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона» в русской классической литературе XX века. Поэтому неудивительно, что по мере развития историко-литературного процесса XX века вопрос о шолоховских традициях в творчестве Шукшина, в частности его романа «Я пришел дать вам волю», становится одним из важнейших вопросов поэтики Шукшина. Эта тема практически неисчерпаема, в данной же статье мы остановились только на некоторых моментах творческой преемственности Шолохова и Шукшина.

Писатели рассматривают важнейшие онтологические вопросы национальной судьбы, вскрывают корни внутрисосударственных противоречий, максимально проявившихся в жизни Степана Разина в XVII и Кондратия Булавина в XVIII веках, Григория Мелехова в начале XX века. Авторские описания душевных переживаний начинают разворачиваться на страницах шолоховского и шукшинского произведений постепенно, по ходу развития действия появляются и расширяются внутренние монологи героев, беседы о бытийных вопросах – о правде, справедливости, вере, государстве, воле. Развёрнутые внутренние монологи в некотором роде обозначают вехи на жизненном пути героев.

Русская судьба видится писателям трагичной, и жизненный путь самих авторов исполнен изломов, постичь их глубинный смысл поможет одна из рабочих записей Василия Макаровича: «... литература – это все же жизнь души человеческой...» [6, 221]. Не толь-

ко прозаические полотна Шолохова, Краснова, но и поэтическое наследие участников Белого движения, очевидцев Гражданской войны в России 1918–1922 гг. способствует постижению правды о человеческой душе, о её стремлении обрести свободу, о надежде преодоления разлада, о недопущении раскола...

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая лира: Антология поэзии Белого движения. – Смоленск : Русич, 2006. – 608 с. (Свирель)
2. Сердюченко В. Надежность традиции / В. Сердюченко // Новый мир. – 1980. – № 9. – С. 237–244.
3. Сигов В. К. Русская идея В. М. Шукшина. Концепция народного характера и национальной судьбы в прозе / В. К. Сигов. – М. : Интеллект-центр, 1999. – 302 с.
4. Стопченко Н.И. М. А. Шолохов и В. М. Шукшин (творческие связи) / Н. И. Стопченко // В кн. В. М. Шукшин. Жизнь и творчество: Тезисы докладов III Всероссийской научно-практической конференции, 6 – 8 октября 1994) / Отв. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул : Полиграфист, 1994. – С. 124 –131.
5. Коробов В. Василий Шукшин. Вещее слово / В. Коробов. – М. : Молодая гвардия, 1999. – 405 с.
6. Шукшин В. М. Собрание сочинений: в 5-ти т. / В. М. Шукшин. – М. : Panprint Publishers / Интеркнига, 1996. – Т. 5.
7. Катасонов В. Н. Хождение по водам. Религиозно-нравственный смысл «Капитанской дочки» А.С. Пушкина / В. Н. Катасонов. – Пермь : ПО «ПАНАГИЯ», 1998. – 52 с.
8. Акаткин В. М. Прощание с утопией. Статьи о литературе / В. М. Акаткин. – Воронеж : Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1991. – 336 с.
9. Крюков Ф.Д. Шульгинская расправа / Ф.Д. Крюков. – Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kgjukow_f_d/text_1894_gasprava.shtml
10. Краснов П. Н. Картины былого тихого Дона / П. Н. Краснов. – Режим доступа: <http://poesias.ru/proza/krasnov-petr/krasnov1031.shtml>
11. Иустин Прп. (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. – СПб. : Издательский дом «Адмиралтейство», 1998. – 271 с.
12. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман. В 2-х т. / М. А. Шолохов. – М. : Современник, 1975.
13. Шукшин В. М. Я пришел дать вам волю. Сценарий / В. М. Шукшин // Искусство кино. – 1968. – № 5–6.
14. Тихон Патриарх. Россия в проказе. – М. : Лодья, 1998. – 73 с.

*Липецкий институт развития образования
Углова Н. В., кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарного и эстетического образования
E-mail: ena-lko5@yandex.ru*

*Uglova N. V., Candidate of Philology, Head of the Liberal and Esthetic Education Department,
E-mail: ena-lko5@yandex.ru*